

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА АВТОХТОНОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ (XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

© Цыренова Зинаида Егоровна

доктор исторических наук, доцент

Бурятский государственный университет

E-mail: kafbur@mail.ru

В статье рассматривается традиционная культура автохтонов Восточной Сибири в один из самых противоречивых периодов российской истории – советский. Культура, языковое пространство, религия, искусство обоснованно признаются средоточием и яркими формами воплощения национального своеобразия. В период советского строительства в многонациональной России была сделана попытка сохранения и развития традиционной культуры этносов нашей страны, в том числе аборигенов Восточной Сибири. В указанный период произошли трансформация традиционного хозяйствования народов региона, колоссальные изменения в их культурной, духовной сферах. Изучению данных сложнейших противоречивых проблем посвящена статья. В ней анализируются этнокультурные процессы через призму национальной политики партийных и государственных структур в советский период, выясняется содержание советской социалистической культуры (как общегосударственной), взаимодействие с культурами других народов СССР.

Ключевые слова: традиционная культура, Восточная Сибирь, культурная революция, Советская культура, трансформирование.

Человечество все более осознает ценность культурного и этнического многообразия народов. А эпоха советского социализма в эволюции национальной идеи, этнокультурного процесса высвечивает несколько этапов, крупных полос.

В первое послеоктябрьское десятилетие формирование «своей истории» происходило в обстановке сотрудничества центра с лидерами на местах, «коренизации», либеральной языковой политики, что стимулировало процессы образования наций, в основном среди крупных этносов. Национальное строительство ведется в русле советской интернациональной политики и пока еще под флагом краеведения.

Впервые в истории человечества в ноябре 1917 г. большевистским правительством России была выработана государственная национальная политика по защите коренных народов. В соответствии с «Декларацией прав народов России» правительством РСФСР было принято «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР». На местах были впервые созданы родовые собрания, родовые советы, туземные районные съезды и избираемые ими районные исполнительные комитеты. Те несколько послереволюционных лет, в течение которых создавались подобные уникальные документы, проводились прогрессивные мероприятия, означали лишь короткий момент представлений о всесторонне развивающейся, свободной от предрассудков личности и автономной культуре на местах. В основном происходило это из-за наивной веры в революционную и культурно-созидательную силу масс, овеянной романтикой раннего периода. В действительности уже к концу гражданской вой-

ны все меньше оставалось иллюзий по поводу быстрого перехода от старого буржуазного общества к новому. Это отразилось и в нэп, и в культурных преобразованиях [1].

Все более выявлялась центральная проблема начального периода культурной политики – создание нового человека для советского государства. Власть стремилась к переустройству всего внутреннего мира человека, а вот способы осуществления этой реорганизациииопределились к концу 20-х гг. прошлого века. Отныне под культурной политикой понималось «создание пролетарской культуры в условиях диктатуры пролетариата. Она есть борьба с буржуазной культурой, с ее пережитками, однако она означает и освоение буржуазной науки путем ее переработки». В этом определении не учтен решающий момент: кто является создателем новой культуры, хотя никто не сомневался, что это «государство», «партия», «небольшой круг представителей культуры», то есть «культурная элита». Они стали принимать отвергать, систематизировать, контролировать, создавать институты и другие культурные структуры нового общества [2, с. 156].

С учетом полиэтничности России была признана необходимость проведения совещаний национальной интеллигенции, обсуждение национальной политики советской власти, вопросов языковой культуры (повышение квалификации, орфографии, терминологии), национализации школ и др. Проблемы, оказавшиеся при их реализации очень сложными, будут находиться в поле зрения партийных, государственных и других структур еще долгие годы, вплоть до конца 60-х годов прошлого века.

В обществе все больше приходили к пониманию того, что революция не ведет за собой автоматического уничтожения всех пороков предшествующего общества. Осознание живости старых традиций отразилось в понятиях, появившихся в середине 20-х гг.: быт, жизненный уклад, образ жизни. Появление темы быта во многом было признанием бесплодности дебатово культуре. Кроме того, существовала глубокая пропасть во взглядах на идеологию, социальную сферу и переустройство внутреннего мира человека нового многонационального общества между разработчиками, плановиками культуры, властью и большинством населения.

Под влиянием индустриализации и коллективизации власти стало известно, какой в действительности была жизнь в городе и деревне, но это не приблизило к цели. Более того, после выяснения ситуации с жилищными условиями, укладом разных этносов, традициями, политическими взглядами и т. д. путь к цели оказался бесконечным. Задачу должно было решить следующее поколение подрастающих коммунистов под руководством партии и приближенной к власти культурной элиты, то есть «кто держит власть, тот создает культуру». В документах тех лет все больше прослеживается мотив борьбы, руководство которой кроме партии взяла на себя редакция журнала «Революция и культура», основанного в 1927 г., на местах – различные печатные органы.

Культурная революция становилась одним из элементов классовой борьбы. Поскольку «одними разъяснениями и воспитательными мерами невозможно было разрушить вековые устоипатриархально-семейного уклада, в интересах скорейшей ликвидации тяжелых пережитковпрошлого советское государство наряду с широкими и разносторонними мерами воспитанияприменяло и меры при-

нуждения». Таким образом, с конца 20-х гг. начались насильственный перевод кочевых и полукочевых хозяйств на оседлый образ жизни и их коллективизация.

При этом место оседания вчерашних кочевников выбиралось без учета наличия воды, пашен, близости сенокосения и т.д. Тогда власть не особо заботилась об устойчивости ландшафта к возрастающим антропогенным нагрузкам. Были заброшены многие пастбища, использовавшиеся веками, но оказавшиеся удаленными от центров оседания. В эти же годы проводилось выселение улусов, хотонов (хуторов) [2, с. 96]. Как следствие данного модернизирования традиционного уклада народов разрушается система его культурных, духовных ценностей. В условиях нашей страны процесс дополнительно усугубляется жестким идеологическим прессингом. Война и послевоенный период замедлили, но не остановили данный процесс. Бесспорно, решающую роль играла идеологическая обработка всех сфер жизни общества. Накануне войны власть во главе со Сталиным завершает идейную конструкцию, содержащуюся в документах 1934–1938 гг., делает более явной ее характер: баланс между классово-интернационалистским началом и державно-патриотическим подходом заметно изменился в пользу последнего.

Однако ситуация в идеологии не была доведена до состояния ясных толкований и установок и накануне 1941 г., когда произошло окончательное оформление национал-большевистской переориентации идеологии. В годы войны великодержавный национализм был поставлен на службу активизации патриотических чувств всех народов СССР. Понятие «Родина» отождествлялась с СССР, а не только с Россией. Ряду народов было отказано в патриотизме и, как следствие, произошли крупномасштабные акции политико-демографического (депортации народов) и культурно-национального характера (новое пресечение ростков национального сознания в историографии и литературе – приклеивание ярлыка «буржуазно-националистического» произведения к народным эпосам и т.д.). Время Хрущева принесло не только «оттепель». Идеологическая система в тот период живо реагировала на проявления национальных настроений в среде интеллигенции. Кроме того, Хрущев, увлеченный созданием программы коммунистического строительства, заявил в 1961 г. об отказе «консервирования национальных различий». Это и другие дилетантские высказывания стали сигналом к подавлению всплеска различных проявлений национально-культурной жизни. Логическим завершением на практике явилась разработка положения в законе «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» (1958), по которому объявлялось, что изучение родного языка и обучение детей в школах на родном языке — дело добровольное. Постоянно и особо подчеркивалось, что «овладению в совершенстве местным и русским языком нужно уделить самое серьезное внимание». И вновь противоречие: слова верные, а практические меры были иными. Происходил радикальный пересмотр учебных программ и планов. Национальные школы всех типов переводили на русский язык обучения, сохранив родной язык только как предмет, изучавшийся на добровольной основе.

Наука, осуществляя национальную, языковую политику партии и государства, утверждала, что «в условиях социализма могут происходить частичные процессы добровольного слияния небольших этнических и экс-территориальных на-

циональных групп, вкрапленных в крупные социалистические нации, с этими национальностями. Особенно важным в этом процессе является усвоение сливающимися этнографическим и экстерриториальными национальными группами языка крупной передовой социалистической нации, среди которых эти группы живут». Кроме того, «языковая консолидация» не есть естественный процесс, «сближение и расцвет наций протекают не стихийно, а планомерно... в нашем многонациональном государстве это осуществляется в процессе единого государственного планирования». Предпосылкой осуществления национальной языковой политики советского государства этих лет служило научное изучение процессов «функционального взаимодействия языков народов Сибири». Разработка проблемы началась по инициативе Института истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск), но первые работы уже публиковались в начале 60-х гг. В основу разработки проблемы легли «данные переписей населения и специальные научные исследования», которые свидетельствовали об «...изменениях в распределении сфер применения языков народов СССР. Отмечалось широкое и постоянно растущее распространение русского языка в качестве средства межнационального общения и повышения уровня культуры...». Научное изучение этих процессов, прежде всего, служило идеологическим целям, «по линии политического воспитания трудящихся», а также позволяло «сделать научно-обоснованные выводы о целесообразности применения тех или иных языков в обучении и воспитании подрастающего поколения, в политическом и культурном просвещении трудящихся средствами устной пропаганды, печати, радио, ТВ и т. п. Они способствовали разработке теоретических проблем современного развития национальных отношений». На основании подобных научно-методических установок были даны рекомендации гуманитарным научным учреждениям обратить внимание «на актуальность социологических исследований проблемы функционального взаимодействия языков народов СССР на этапе коммунистического строительства, включение проблематики в планы 1967–1970 гг. и создание тематической социолого-лингвистической группы, отвечающей задачам науки, поставленным XXIII съездом КПСС (1966 г.)». Ссылки на документы данного высшего форума партии не случайны. Именно на съезде прозвучал властный окрик в ответ на обращение научной и творческой интеллигенции к правительству об опасности возвращения сталинизма после отказа от идей «оттепели». Страна тихо вползала в «застой» [2, с. 223–225].

В официальных документах этот период определялся как «развитой социализм», основными признаками которого назывались «высокая зрелость производительных сил и производственных отношений, высокая степень планомерности, гармоничности в экономике <...> духовной жизни общества»; кроме того, «развитой социализм означал высшую интенсивность интеграционных процессов общественной жизни, ...возрастание социальной однородности общества; дальнейший расцвет и сближение наций и народностей СССР, интернационализация образа жизни...» и т. д. Более того, под влиянием последнего фактора складывалась культурная общность не только отдельных наций (в том числе бурятской, эвенкийской, тувинской, хакасской и т. д.), но и всего советского народа – новой исторической общности людей. Методологически это определялось «диалектическим процессом развития через расцвет к сближению и сближению

на базе расцвета», а это, в свою очередь, «являлось важнейшей закономерностью прогресса всех национальных культур СССР». Бурятская культура так же, как и эвенкийская, тувинская, хакасская и другие, все больше приобретала черты «общесоветской, интернациональной культуры». Это же проявлялось, прежде всего, в «общности идеологии и методов реалистического отражения действительности». Национальные отношения этого периода характеризовались двумя тенденциями: развитием наций и их сближением, они же распространялись и на национальные культуры.

Основой сближения является «широкое и глубокое воздействие русского языка на языки народов СССР» и, как следствие этого, «распространение национально-русского двуязычия». Шла помимо естественного влияния русского языка как средства межнационального общения пропаганда протекционистской политики ведущей роли русского языка как составной части общей идеологии интернационализации, слияния и образования новой исторической нации «советский народ». С позиций унитарного мышления все больше утверждалось мнение о беспроблемности национальных отношений. Теория межнациональных отношений разрабатывалась односторонне, а СССР представлялся только как общество дружбы народов, где быстрыми темпами происходит слияние наций и народностей в единый «советский народ». Такой подход к историческому опыту не соответствовал реалиям того периода, препятствовал объективному анализу проблем развития этносов СССР, способствовал утверждению догм, исключал возможность альтернатив в развитии общества [2, с. 240–241]. Признавая огромные достижения страны, а вместе с ней и коренных народов, нельзя не признать, что этносы были подвергнуты историческому эксперименту, который способствовал утрате связи с традиционным укладом, образом жизни, более того, привел к глубоким изменениям в культуре, которая частично подменялась инородной, частично разрушалась.

Логическим завершением различных мероприятий в этнокультурных преобразованиях явилось заявление о необходимости создания новой нации, новой исторической общности – «советский народ». Хронологически это связано с 1971–1972 гг., подготовкой и празднованием 50-летия СССР. Одновременно шла ресталинизация, проводимая после хрущевским руководством. На идеологических мероприятиях и документах тех лет прозвучало положение о советской культуре как сплаве культур народов СССР. Это стимулировало возрождение национального самосознания, подняло волну интереса к национальным традициям. Власть тут же на партийном съезде определила четкие условия, по которым указывалось, что «Советская культура – сплав достижений советских народов». Все больше проявлялось противоречие между ожидаемым свободным этнокультурным развитием и жестким контролем со стороны центральных партийных и государственных структур. Вот почему трудно было оценить ситуацию, когда, с одной стороны, 70–80-е гг. прошлого века были периодом дальнейшего развития национальной драматургии, театра, живописи, а с другой – функционеры на местах оглашали официальную линию партии и правительства об отказе от родного языка в образовательной системе. Политика экстенсивной эксплуатации природных ресурсов, разрушение традиционного хозяйствования, культуры – не советское изобретение, это реальность раннего индустриального периода. Более того,

этот курс продолжал политику бывшего царского режима по отношению к природным и людским ресурсам азиатских окраин империи. Политика неограниченной эксплуатации богатств Сибири естественным образом была воспринята как царскими, так иновыми советскими специалистами. Политика и практика форсированного модернизирования понималась местными жителям, но они были немногочисленны, удалены от центральной власти и не авторитетны для нее. Следует учитывать популярность этой политики в стране в целом и заинтересованность в ней местных партийных и советских руководителей. Советское общество в целом стояло на пороге глобальных перемен. Запущенный механизм медленно набирал обороты, возможно, поэтому партийно-государственный строй уже ничего не мог противопоставить в ближайшей перспективе процессам национального сепаратизма, росту национального самосознания и формированию национальных историографий.

Литература

1. Цыренова З. Е. Этносоциальное развитие в советском и постсоветском пространстве // Вестник Бурятского государственного университета. — Вып. 7. История. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. — С. 44–45.
2. Цыренова З. Е. Традиционная культура коренных народов Восточной Сибири (1920 – конец 80-х гг.). Опыт сохранения и развития. — Улан-Удэ, 2008.

TRADITIONAL CULTURE OF EAST SIBERIAN AUTOCHTHONOUS: THE EXPERIENCE OF PRESERVATION (THE 20TH – THE BEGINNING OF 21ST CENTURY)

Zinaida E. Tsyrenova

DSc in History, A/Professor, Buryat State University

E-mail: kafbur@mail.ru

The article deals with the traditional culture of East Siberian autochthonous in one of the most controversial periods of the Russian history — the Soviet period. Culture, language, religion, arts are reasonably recognized as a focus and vivid forms of national identity embodiment. The Soviet period of our multinational country is characterized by the attempts to preserve and develop the traditional culture of ethnic groups, including East Siberian natives. During this period the traditional economy of the peoples in Eastern Siberia have been transformed, their cultural and spiritual spheres undergone the tremendous changes. We study these complex and contradictory issues in this article. It analyzes ethnic and cultural processes in the light of national policy of the party and state structures in the Soviet period, reveals the content of Soviet socialist culture (as nationwide), its interaction with the cultures of other peoples in the USSR.

Keywords: traditional culture, Eastern Siberia, cultural revolution, Soviet culture, transformation.